

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2026.1.13

**СОЛОВЬЁВ Сергей Александрович**

Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН); Адвокатское бюро города Москвы «Сословие», Москва, Россия, solovievsa@gaugn.ru

Original article

**SOLOVIEV Sergey Alexandrovich**

State Academic University for the Humanities (GAUGN); Moscow City Law Office “Soslovie”, Moscow, Russia

## РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА

REFLECTIONS ON THE ROLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE POLITICAL AND LEGAL CONCEPT OF THE STATE

**Аннотация.** Признавая взаимосвязь политико-правовой концепции государства и его уголовного судопроизводства на аксиоматическом уровне, представляется важным определить значение идеологических основ государства для формирования суверенной модели уголовного процесса. Отказ от идеологической составляющей в России в период с 1990 по 2020 г., совершенный в угоду так называемой западной цивилизации, формирование политико-правовой концепции вопреки исторической преемственности в развитии Российской Федерации (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ), некритическое принятие за основу западных образцов государственно-правового регулирования правоотношений, в том числе и в вопросах организации уголовного судопроизводства, привело к риску возникновения угрозы суверенитету государства, обусловленного явной декларативностью целого ряда конституционных и иных нормативных положений, подражательно привнесенных в позитивно-правовую систему, не обеспеченных в интеллектуальном и институциональном смысле подготовкой общества к таким изменениям, а в ряде случаев – внедрением таких изменений при очевидном их противоречии исторически сложившемуся механизмам осуществления конкретных правоотношений. Цель исследования заключается в обосновании значения идеологических факторов для формирования как политико-правовой концепции государства, так и национальной модели уголовного процесса. Основные методы исследования: исторический и сравнительный (использовались для демонстрации идентичности способов трансформации политико-правового устройства Российской Федерации в петровский и постсоветский периоды), системно-структурный (позволил рассмотреть уголовное судопроизводство как объект политико-правовой системы государства), корреляционного анализа

**Abstract.** Recognizing the axiomatic interconnection between the political and legal framework of the state and its criminal proceedings, it is important to define the significance of the state's ideological foundations for the formation of a sovereign model of criminal procedure. The rejection of the ideological component in Russia between 1990 and 2020, made in service to the so-called Western civilization, the formation of a political and legal concept contrary to the historical continuity in the development of the Russian state (Part 3 of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation), coupled with the uncritical adoption of Western models of state law regulation of legal relations as a basis, including in matters of organizing criminal proceedings, have led to the risk of a threat to state sovereignty. This threat is caused by the explicitly declarative nature of numerous constitutional and other normative provisions, that were mechanically incorporated into the positive legal system. These provisions were neither intellectually nor institutionally prepared for by society, and in some cases were introduced despite their clear contradiction to historically established mechanisms for the exercising specific legal relations. The purpose of the research is to substantiate the significance of ideological factors in the formation of both the political and legal concept of the state and the national model of criminal procedure. Main research methods: historical and comparative methods are used to demonstrate the identity of the methods of transformation of the political and legal structure of the Russian state during the Petrine and post-Soviet periods; the system-structural method enables the consideration of criminal proceedings as an element of the state's political and legal system; correlation analysis reveals the relationship between the ideological component in the state and the political and legal

(позволил показать взаимосвязь между идеологической составляющей в государстве и политико-правовым устройством, включая модели уголовного процесса), юридико-догматический и толкования правовых норм (использовались при анализе Конституции РФ, а также уголовно-процессуального законодательства советского и постсоветского периодов), логический (позволил сформулировать выводы по результатам исследования). Результаты: сделан вывод о необходимости приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с трансформированной в 2020 г. (в том числе путем конституционного закрепления идеологических основ) политико-правовой концепцией государства, что невозможно сделать путем внесения отдельных изменений в УПК РФ, а требует разработки и принятия нового Уголовно-процессуального кодекса.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, государственный суверенитет, уголовно-правовая концепция развития государства, идеология государства, участники уголовного судопроизводства, метод всесторонности, полноты и объективности, изменение уголовно-процессуального законодательства

**Для цитирования:** Соловьёв С.А. Размышления о роли уголовного судопроизводства в политико-правовой концепции государства / С.А. Соловьёв. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 120–130.

structure, including models of criminal procedure; the legal-dogmatic method and the interpretation of legal norms are used in the analysis of the Constitution of the Russian Federation, as well as the criminal procedural legislation of the Soviet and post-Soviet periods; the logical method allows for formulating the conclusions based on the research results. Results: The article concludes that it is necessary to bring criminal procedure legislation into line with the political and legal concept of the state transformed in 2020 (including through the constitutional entrenchment of ideological foundations). This cannot be achieved by introducing individual amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, but rather requires the development and adoption of a new Criminal Procedure Code.

**Keywords:** criminal proceedings, state sovereignty, criminal law concept of state development, ideology of the state, participants in criminal proceedings, method of comprehensiveness, completeness and objectivity, changes in criminal procedure legislation

**For citation:** Soloviev S.A. Reflections on the Role of Criminal Proceedings in the Political and Legal Concept of the State. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 120–130. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.13.

---

Право есть начало, постепенно осуществляющееся в истории...  
П.И. Новгородцев

## ВВЕДЕНИЕ

Публично-правовая форма отправления уголовного судопроизводства в Российской Федерации позволяет на уровне аксиомы утверждать о существовании безусловной взаимосвязи между способами организации и механизмами осуществления указанного вида судопроизводства и политико-правовой концепцией государства. Вместе с тем главным, по нашему мнению, на сегодняшний день является вопрос как о существовании концептуального оформления уголовно-процессуальной политики в государстве, так и о существовании концепта в политико-правовой организации государства. Тот факт, что и уголовно-процессуальная политика государства оценивается

в настоящий момент как находящаяся на этапе становления [1, с. 43], и политико-правовая идеология<sup>1</sup> в современной России характеризуется эклектицизмом [4], является свиде-

---

<sup>1</sup> Применительно к целям настоящей статьи термины «идеология» и «концепция» использованы как синонимы, что соотносится с принимаемой нами позицией Т.Г. Понятовской, согласно которой концепт есть основополагающая, изначальная идея, не требующая доказательств ее исторической достоверности, обусловленная наличием системы обязательных элементов, расположенных в логической последовательности и находящихся в полной зависимости от концепта, а «концепция, в отличие от теории, не описывает предмет, а сама формулирует его» [2, с. 15]. У С.С. Алексеева читаем: «В принципе правовые идеи (представления, понятия, концепции и др.) в содержание того явления, которое обозначается термином "право" и тем более "позитивное право", не входят. Правовые идеи во всем своем многообразии – это главное содержание иного явления в юридической сфере – правосознания» [3, с. 56].

тельством взаимосвязанного существования этих двух феноменов, где «турбулентность» первого находится в очевидной зависимости от нестабильности второго.

Первопричиной этого явления, на наш взгляд, стал отказ от конституционного закрепления идеологических векторов жизнедеятельности государства, что в первую очередь повлияло на формирование всего законодательства, включая, безусловно, и уголовно-процессуальное.

Данный наш вывод соотносится с позицией С.С. Алексеева, утверждавшего, что «правоведение в его общетеоретических подразделениях – общей теории права, социологии права, а также философских разработках – оказалось одной из наиболее идеологизированных областей знаний» [3, с. 22].

Право на идеологию всегда оставалось за государством, несмотря на положения ст. 13 Конституции РФ, формирующей через идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13) и невозможность установления какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13) фактический запрет на идеологию как таковую.

Вместе с тем вопрос о фактическом или, скорее, герменевтическом существовании идеологии в государстве через дискуссию о необходимости трансформации положений ст. 13 Конституции РФ уже вышел в публичное пространство. Так, министр юстиции К. Чуйченко считает, что «"ни одна страна мира" не имеет в своей конституции запрета на идеологию, как в России», которая «в свое время по совету наших так называемых партнеров взяла на себя эти "повышенные обязательства"», а по мнению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, «сам Основной закон имеет "идеологическое значение". Поскольку Конституция обладает высшей юридической силой и общеобязательным характером (для всего населения и на всей территории страны), закрепленная ею система ценностей имеет общенациональное *идеологическое* (курсив наш. – С. С.) значение, т. е. выступает в роли идеологии конституционализма»<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Министр юстиции начал дискуссию об отмене запрета на идеологию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/12/974675-ministr-yustitsii-nachal-diskussiyu-ob-otmene-zapreta-na-ideologiyu?ysclid=mjzxn1lxx1133802422> (дата обращения: 04.01.2026).

Подтверждением позиции В.Д. Зорькина являются нормативные новеллы, появившиеся в Конституции РФ после внесения в нее в 2020 г. поправок. Новая для Конституции РФ ст. 67.1, содержащая положения о сохранении памяти предков, вере в Бога, защите исторической правды, дополнения к конституционным положениям, изложенным в ст. 68, 72, 114 о русском языке как языке государствообразующего народа, о роли культуры как уникального наследия многонационального народа Российской Федерации, о защите семьи, материнства, отцовства и детства, институте брака как союза мужчины и женщины и о сохранении традиционных семейных ценностей, позволяют согласиться с мнением бывшего советника Президента РФ М. Федотова и говорить о достаточном «идеологическом наполнении Конституции РФ»<sup>3</sup>.

Чем же был обусловлен «идеологический маятник» периода 1990–2022 гг., который, на наш взгляд, стал причиной как разбалансировки политико-правовой концепции, так, соответственно, и уголовно-процессуальной политики в государстве?

#### **КРАТКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВЕ, ИДЕОЛОГИИ И СВОБОДЕ**

Мы далеки от мысли построить работу по принципу «раньше было лучше». Вместе с тем представляется, что во взаимосвязи с недавно закрепленным положением ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ, определяющим, что Российская Федерация является правопреемницей Союза ССР на своей территории, сравнительный анализ и оценка политико-правовых концепций РСФСР и современной России, а также используемой и реализуемой в определенные временные периоды уголовно-процессуальной политики в государстве не просто могут, а должны использоваться и уже фактически используются как методологический прием.

С.С. Алексеев, преломив через учение И. Канта о праве, как «самом святом, что есть у Бога на земле», и подвергнув во многом обоснованной критике модель общественного устройства Советского государства, породившую «идеологию иллюзий, искушения и нетерпения – марксистскую, ленинско-сталинскую

<sup>3</sup> Там же.

доктрину "научного" социализма и коммунизма», сформулировав вывод, что «большевизм, неизменно прикрываясь внешне благообразными, обманчивыми лозунгами, олицетворяет проклятие коммунизма, его суть – господство в обществе неограниченного произвола, насилия, беспредела, подавления человека, его достоинства и неотъемлемых прав» [5, с. 224–239], вывел некую триаду политико-правовых «язв» советской концепции государственного устройства: 1) отсутствие гуманистических начал в праве; 2) замена равенства всех в праве на реально невозможное «равенство во имя социальной справедливости в материальном положении людей»; 3) негативный взгляд на частную собственность<sup>4</sup> [5, с. 224–239].

О «подавлении начала свободы и гипертрофировании начала власти» в советскую эпоху пишет и В.Д. Зорькин, отмечая, что социально-политическая конструкция в указанный период существования государства «держалась за счет жесткого тоталитарного диктата, подавляющего свободу личности» [7, с. 9], а основная особенность советского права, как справедливо отмечает Л.В. Головкин, заключалась в «...его полном бессилии перед фундаментальными конфликтами социально-политического характера. Именно в этом состояла очевидная и фатальная слабость советского права, связанная не столько с правом как таковым или, допустим, некомпетентностью советских юристов, а с теми условиями, в которые оно было поставлено» [7, с. 106].

Попав, по меткому выражению В.Д. Зорькина, в «ловушку смертельного маятника» [8, с. 10], многие из нас стали свидетелями его движения в обратную сторону, причем со скоростью, настолько превышающей движе-

ние в предыдущем направлении, что предоставленная обществу свобода моментально превратилась в произвол, а демократические преобразования юридической системы страны были отторгнуты и, как отмечал С.С. Алексеев (в 1989 г. – член Верховного Совета РСФСР), «...вследствие этого заранее обречены на бесплодность: такого рода изменения и новеллы неизбежно оказывались размытыми и в конечном итоге обескровленными, смятыми, неспособными дать ожидаемого эффекта» [9, с. 48].

В медицине отторжение инородного органа (трансплантата) оценивается как иммунологическая реакция организма. В юриспруденции отторжение новых нормативных установлений, рассматриваемых на первоначальном этапе как безусловно демократические, обусловленные либеральной трансформацией государственного устройства, свидетельствовало, что их внедрение в юридическо-правовую ткань государства не учитывало не только неготовность общества как «организма» к принятию нового правового устройства («трансплантата»), но и столкнулось с массовым противодействием трансформируемым правовым основам государства<sup>5</sup>, так как «общество не успело внутренне (интеллектуально и институционально) подготовиться» к таким изменениям [8, с. 9]. Поиск антипода советскому праву был недолгим, так как при общей оценке предыдущего этапа существования государства как тоталитарного, недемократического и антиправового все взгляды были обращены на организацию правового устройства Европы, которая, как отмечали правоведы, в отличие от России, «прошла историческую полосу Возрождения» [5, с. 254].

Вступление России в феврале 1996 г. в Совет Европы, ратификация 30 марта 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, установление моратория на смертную казнь, внедрение в российскую жизнь массовых «программ сотрудничества», финансируемых как Европейским союзом, так и западными фондами и организа-

<sup>4</sup> Вступая в дискуссию с профессором В.Н. Кудрявцевым, утверждавшим, что «на привычной для нас материалистической почве трудно возродить идеи естественного права» [6, с. 7], С.С. Алексеев высказал предположение, что именно исходя из вышеуказанных представлений о естественном праве «...специалисты, которые на завершающем этапе, непосредственно перед референдумом (от 12.12.1993 о Всенародном голосовании по проекту Конституции РФ – С. С.), отработывали и редактировали текст Конституции Российской Федерации и в ходе такой отработки и редактирования из него исключили формулировки, отражающие естественно-правовое видение прав человека (в том числе – что особенно прискорбно – формулировку о частной собственности как естественном праве человека)» [3, с. 28].

<sup>5</sup> В Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008, озвученному в год 15-летия Конституции РФ, было отмечено: «справедливо и то, что этой проблемой – пренебрежения к праву – мы еще системно и глубоко не занимались» (см.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

циями в декларируемых целях обеспечения в Российской Федерации развития, подтверждающего приверженность «идеалам и принципам гуманизма и демократии», а также многие другие действия со стороны Российского государства демонстрировали, на наш взгляд, открытые и искренние намерения по нашей интеграции в семью европейских народов.

Важным публичным показателем трансформации правовой системы приближающейся новой России<sup>6</sup> явилось постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР», обеспечивающей, как следует из первой строки ее преамбулы, «возвращение Отечества в лоно мировой цивилизации», которое, согласно п. 1 указанного постановления, является необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности<sup>7</sup>. Надо отметить, что данное положение явно подтверждает взаимосвязь между механизмами отправления судопроизводства в государстве и политико-правовой концепцией его развития и существования.

Однако, как показал дальнейший ход событий, «цивилизованный Запад» видел в России не равноправного субъекта правоотношений, а исключительно объект этих отношений, управляемый им в собственных интересах под прикрытием идеологии о свободе и демократии, о построении в России государства либерального типа. То есть ровно то, что критиковалось всеми, в том числе западными странами, в системе уголовного судопроизводства Советского государства, в котором обвиняемый был не полноправным субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, а исключительно объектом их приложения со стороны государства. Ровно такой же формат взаимоотношений предлагался России,

6 Нами отмечается, что данное постановление было принято еще за несколько месяцев до официального упразднения СССР, но, как точно подмечено в научной литературе, используемая в нем терминология уже свидетельствовала о суверенном вычленении РСФСР из Союзного государства в вопросе отправления уголовного судопроизводства [1, с. 130].

7 О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 [Электронный ресурс]. URL: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link\\_id=4&nd=102012853&ysclid=mk586jra9l732203854](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=4&nd=102012853&ysclid=mk586jra9l732203854) (дата обращения: 08.01.2026).

но уже на государственном уровне, при котором властное управление будет практически полностью делегировано наднациональным органам (Европейскому парламенту, Европейскому совету, Суду Европейского союза и т. д.). Такой подход явно противоречил классической формуле либерализма, выработанной И. Кантом, указывающей, как писал С.С. Алексеев, на «саму суть концепции свободы человека» [5, с. 241]. «Никто, – писал И. Кант, – не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет благополучие других людей); каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерба свободе других стремиться к подобной цели – свободе, совместимой по некоторому возможному всеобщему закону со свободой каждого другого...» [10, с. 285].

В настоящий момент уже на самом высшем уровне управления государством отмечается, что на начальном этапе трансформации политико-правовой концепции Россия и ее руководители наивно полагали, что коллективный Запад увидел и позитивно оценил происходящие в государстве изменения. Так, Президент РФ В.В. Путин в своем интервью от 17 декабря 2023 г. отметил, что у него «было наивное представление о том, что весь мир, и прежде всего так называемый цивилизованный мир понимает, что произошло с Россией, что она совсем стала другой страной, что идеологического противостояния уже нет, а значит нет основы для конфронтации»<sup>8</sup>. Негативные тенденции в политике западных стран в отношении России (в этой связи приведен пример поддержки западом сепаратизма и терроризма на территории России) В.В. Путин «по наивности своей» относил к «инерции мышления и действий»<sup>9</sup>.

Начиная с 2014 г., и тем более с 24 февраля 2022 г. – даты начала специальной военной операции, всем рационально мыслящим людям и в Отечестве, и за его пределами стало

8 Интервью В.В. Путина 17 декабря 2023 года политическому обозревателю ВГТРК Павлу Зарубину в рамках программы «Москва. Кремль. Путин» телеканала «Россия-1» / Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/12/17/putin-priznal-chto-v-2000-e-bylnaivnym.html?ysclid=mmjbb2napt307955714> (дата обращения: 07.01.2026).

9 Там же.

очевидно, что действия руководства «цивилизованного Запада» против Российской Федерации не являются инерционными и не могут квалифицироваться как «фантомные боли» от существования Советского Союза, а демонстрируют исполнение давно сверстаных планов по, как сейчас принято говорить, нанесению Российской Федерации стратегического поражения.

В этом же ракурсе есть основания рассматривать механизмы и способы влияния в указанный период времени, с 1990 по 2020 г., бывших партнеров нашего государства на формирование политико-правовой концепции развития России<sup>10</sup>, обоснованно рассматриваемой как система взглядов на государство и право, где все элементы системы «находятся во взаимосвязи, логически вытекают один из другого и находятся в строгом подчинении у "концепта" – идеи о происхождении государства» [2, с. 15].

В этой связи изменения в Конституции РФ 2020 г., что, в сущности, и является трансформацией политико-правовой концепции государства, были первым зримым ответом на вышеуказанные действия объединенного Запада, формирующим на конституционном уровне основы самых главных идеологических направлений, позволяющих на институциональном уровне обеспечить защиту суверенитета государства, в том числе путем трансформации позитивного права, действующего в Отечестве, включая, безусловно, и уголовно-процессуальное законодательство.

Л.В. Головки справедливо отмечает, что «уголовный процесс всегда институционально принадлежит какому-либо государству, создается им, приводится в действие» и именно государство «является в формальной плоскости единственным источником легитимности уголовно-процессуального права» [11, с. 6].

<sup>10</sup> Введение в 2003 г. в России Болонской системы образования – суть программа из этой же категории влияния на формирование зависимости нашего государства от единых европейских образовательных стандартов, принятых вне России, но обязательных к реализации. То есть опять не естественный ход развития образовательной сферы, а рекомендации от наднациональных органов, что называется, «спущенные сверху». Фактически выход Российской Федерации из Болонского процесса, по нашему мнению, взаимосвязан с трансформацией и конституционным закреплением идеологической составляющей нашего государства, призванной определять политико-правовую концепцию ее дальнейшего развития.

## **УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕОБХОДИМОСТИ И СПОСОБАХ УСТРАНЕНИЯ СУЩНОСТНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ**

В своих передачах Н.С. Михалков неоднократно отмечал вошедшее в России в привычку известное заблуждение все приходящее с Запада незамедлительно объявлять совершенным, что объясняется пошедшим еще от времен Петра I разделением между интеллигенцией и народом. Как отмечает В.Н. Синюков, «классические, строгие черты институтов и структур московского права» в петровский период нормотворчества «заменяются и разрыхляются назидательностью, метафоричностью, морализаторством правовых предписаний империи», что, по мнению ученого, дает основания считать Петра I «родоначальником западного правового миссионерства в России» [12, с. 100]

Отторжение своего через призму послышки, что ничего хорошего в Отечестве не может быть в принципе, стало катализатором и обоснованием тех судебных реформ, которые были проведены в России в 1990–2000 гг., так как единственная надежда на светлое будущее правовой системы страны виделась реформаторам в «скорейшем отрешении от прошлого и восприятии либеральных институтов и структур» [12, с. 7]. Умышленно или исподволь возобновив тем самым практику XVIII в., все правовое реформирование превратилось в «массированные интервенции "переводного" законодательства и в копирование зарубежных институтов – от управленческих до образовательных» [12, с. 7].

Отказ от мысли, что у России может быть другой путь и в политико-правовой концепции развития государства, и, таким образом, в организации судопроизводства, включая уголовное, привел к уже указанной эклектике и в идеологическом поле, и в уголовно-процессуальном<sup>11</sup>.

<sup>11</sup> Справедлив в этой части В.Н. Синюков, говоря о большом соблазне и искушении «имея достаточно систематизированную и категориально отработанную историю западноевропейских народов, "вместить" в нее и российский путь, "совместив" схему развития страны с соответствующими этапами европейской цивилизации» [12, с. 93].

С.С. Алексеев, входивший в 1990-х годах в состав группы ученых-правоведов, занимавшихся формированием новой правовой системы России, оценивая полученные в этой связи результаты, с грустью говорил о планировавшихся, но не достигнутых результатах реформы, что, оказывается, «...демократическое преобразование юридической системы, сложившейся в условиях тоталитарного режима, состоит не столько в отмене тех или иных реакционных правовых положений и во включении в действующее право, казалось бы, передовых демократических установлений с использованием искусного юридического инструментария, сколько в том, чтобы, во-первых, осуществить преобразование ведущих, основополагающих факторов всей общественной жизни... и во-вторых, изменить саму настроенность, внутреннюю органику, природу юридической системы, достигнуть того, чтобы она стала ДРУГОЙ, соответствующей требованиям демократического общества. А что значит "другой"? Ответа на этот вопрос в те годы, годы только-только разворачивающихся в России демократических преобразований, еще не было» [9, с. 48].

Российская правовая система – самостоятельный правовой феномен, отмечает В.Н. Синюков. Ее трагедия или, как пишет сам автор, драма обусловлена тем, что «...волею своих политических, исторических, научно-познавательных судеб» она была механически включена в романо-германскую правовую семью, где стала рассматриваться как «"отклоняющийся" от нормы рудиментарный элемент» [12, с. 82]. Такой вывод В.Н. Синюков делает применительно к общей структуре правовой системы страны, но что тогда можно сказать о ее отдельном блоке, коим является уголовно-процессуальное право, которое, сохраняя преемственность с УПК РСФСР 1960 г. в целом ряде институтов советского уголовно-процессуального права (стадия возбуждения уголовного дела, использование советской теории доказательственного права), в основе своей имея «континентальную уголовно-процессуальную инфраструктуру» [1, с. 134], сохраняющую явную аффилированность с отечественным уголовно-процессуальным законодательством 1864 г., одновременно содержит правовые концептуальные направления

англосаксонской правовой семьи, заключающиеся: а) в конституционном закреплении универсального по отношению ко всем видам судопроизводства принципа состязательности и равноправия сторон; б) во введении института сторон с весьма спорным субъектным их наполнением; в) в максимальном снижении активной роли суда в уголовном процессе. Характеристика действующего уголовно-процессуального законодательства при таких вводных данных как «эkleктичного» [1, с. 135] представляется весьма мягкой и толерантной.

Оформляя модернизацию уголовно-процессуальной системы в государстве, мы пошли весьма дискуссионным путем заимствования идеи права или, как писал Н.Г. Стойко, «тотальной юридической аккультурацией или рецепцией» [14, с. 110], сопровождающейся радикальным изменением всех основ правовой системы государства, с отдельными «вкраплениями» элементов советского права. Отказ от замены обусловлен не отсутствием в той системе права, которая используется для заимствования, концепции решения сохраняемых советских элементов, а невозможностью преодоления внутриобщественного противостояния тотальной подражательной культуре в формировании новой российской системы уголовно-процессуального права. Факт того, что с момента распада СССР до момента принятия УПК РФ прошло больше одиннадцати лет, является, на наш взгляд, безусловным подтверждением, что механизм заимствования идей права привел к юридической декультурации, обусловленной, с одной стороны, полным и безмотивным отказом от национальной правовой традиции, выраженной в устоявшейся системе уголовно-процессуального права, а с другой стороны, как нами уже отмечалось, неприятием новой правовой системы по причине ее несоответствия сложившейся национальной правовой традиции.

Надо отметить, что оценка советского периода в государстве с использованием прилагательного «тоталитарный»<sup>12</sup> была обусловлена в первую очередь системой и механизмами отправления именно уголовного судопроизводства. Признав в уже упоминавшемся нами постановлении Верховного Сове-

12 Хотя некоторые ученые считают возможным характеризовать его форму как «эпатажно-аберративную» [12, с. 97].

та РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР» одной из главных задач защиту и неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроизводстве, закрепив в Конституции РФ, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2), государственная политико-правовая концепция, как справедливо отметил Ю.Е. Пермяков, была обязана учесть безусловную необходимость ограничить власть государства как предметно, так и процессуально. «Конституционное признание личности и человеческой жизни высшей ценностью государственной политики, если не наделять этот принцип исключительно декларативным содержанием, обозначает пределы политической власти... Власть ограничивает посредством прав человека также и процессуальные полномочия государственных учреждений: отныне они легитимны лишь в пределах соблюдения прав человека» [13, с. 42–43].

Вместе с тем человекоцентристское направление в политико-правовой концепции государства формировалось через нарушение исторически сложившегося стиля правовой инновации, при которой, как отмечает В.Н. Сивюков, модернизация идет путем постепенного угасания древнего источника, наложения на него современного толкования, сохранения старой правовой почвы [12 с. 119].

Применительно к уголовному процессу в механизмах его тотальной модернизации в 1990–2000 гг. имеет место «сумбур вместо музыки», выраженный, на наш взгляд, в первую очередь через отказ от конституционной дифференциации судопроизводств, перечисленных в ч. 2 ст. 119 Конституции РФ и осуществляемых судебной властью путем исключения административного и уголовного судопроизводств из числа отправляемых на началах состязательности и равноправия сторон. Действующая формулировка ч. 3 ст. 123 Конституции РФ применительно к указанным видам судопроизводств, имеющих публично-правовую форму их организации, обеспечила негативную декларативную составляющую данной нормы, что повлекло полную дезорганизацию как в научном толковании

искомой состязательности и равноправия сторон, так и вопросах правоприменительной деятельности. И вот уже одни ученые говорят о современном уголовном процессе как о «публично-состязательном, предоставляющем сторонам не только формальное, но и функциональное равенство» [15, с. 321]; другие – о смешанной форме уголовного судопроизводства, где «предварительное расследование основано на началах публичности и носит розыскной (инквизиционный) характер, а судебное разбирательство осуществляется на последовательно состязательных началах» [16, с. 410]; третьи рассматривают принцип состязательности и равноправия сторон для целей уголовного судопроизводства как «ключевое экзистенциальное противоречие современного уголовно-процессуального права» [11, с. 306–307].

Увлеченные и обнадёженные принципом состязательности и равноправия сторон безвластные участники уголовного процесса, в первую очередь защитники и обвиняемые, в попытке сравняться в полномочиях с публичными органами власти, в чью компетенцию входит расследование уголовных дел, выдвигают различные идеи, от полномочий защитника по самостоятельному расследованию (sic!) обстоятельств совершенного преступления, до подготовки в декабре 2025 г. по инициативе Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации законопроекта «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 58 и 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым, как указывается в публикации, посвященной направлению этого законопроекта в Верховный Суд РФ и Правительство РФ, «уравниваются заключения специалиста и эксперта»<sup>13</sup>. Нельзя в этой связи не упомянуть гл. 40 УПК РФ, появившуюся в отечественном уголовном процессе, как уже открыто указывают в научной литературе, благодаря двум финансируемым бюджетом США американским специалистам [11, с. 133], что привело к тому, что к 2018 г. из общего

13 По инициативе ФПА подготовлен законопроект, уравнивающий заключение специалиста и эксперта // Адвокатская газета. 2025. 19 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/po-initsiative-fpa-podgotovlen-zakonoproekt-uravnivayushchiy-zaklyucheniya-spetsialista-i-eksperta/> (дата обращения: 22.12.2025).

числа рассмотренных судами общей юрисдикции уголовных дел 79,95 % было рассмотрено в особом порядке [17, с. 9], что было признано одной из главных причин ухудшения качества расследования в государстве даже на уровне руководства Генеральной прокуратуры РФ<sup>14</sup>. Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 314 УПК РФ Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ, исключившим из процедуры особого порядка принятия судебного решения уголовные дела о тяжких преступлениях, некоторым образом скорректировали приведенную чудовищную статистику, фактически превратившую обычный порядок рассмотрения уголовного дела в исключительный. В корреляции с указанными доводами находится и насаждавшийся в уголовном судопроизводстве через решения Европейского суда по правам человека принцип «равенства оружия», декларативность которого, с учетом отнесения к стороне обвинения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения и начальника органа дознания, а также прокурора, у рационально оценивающих властные возможности указанных представителей государственных органов сомнений не вызывает<sup>15</sup>. В этой связи сложно не согласиться с И.А. Исаевым, который отметил, что «подлинность наших верований никак не измеряется истиной их предмета» [18, с. 7].

Признавая объективную необходимость трансформации конституционных положений, в том числе путем наполнения Конституции РФ идеологическими маркерами, во взаимосвязи с согласием большинства граждан России с указанными изменениями, выраженными в итогах голосования по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ, общество фактически признало в одном случае неточность, а в другом даже ошибочность тех положений, которые были закреплены в Основном законе в 1993 г. Убеждены, что в настоящий

14 Из стенограммы выступления Генерального прокурора РФ Чайки Ю.Я. на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры РФ с участием Президента РФ 19.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 18.01.2026).

15 «ЕСПЧ просто использует концепцию "равенства оружия" для того, чтобы поставить государство в положение вечно оправдывающейся стороны, выбраться из которого оно при всем желании не в состоянии ввиду совершенной неадекватности предъявляемых к нему в данном аспекте требований» [11, с. 315].

момент есть все основания признать ошибочность структуры и концептуального содержания действующего уголовно-процессуального законодательства, не соответствующего исторически сложившейся форме его отправления. Фактически в 1990-х – 2000-х годах в России произошло повторение социального переворота XVIII в., случившегося в результате сословных реформ Петра I, который, на наш взгляд, оказал разрушительное влияние на постсоветское формирование именно русской, российской государственности и права. Стоит отметить и существенное, смысловое совпадение современных объяснений необходимости произведенных изменений в политико-правовом устройстве России, включая ее уголовно-процессуальное законодательство, с обоснованиями изменений, осуществленных в XVIII в., когда на фоне насаждения мысли о «русской политико-правовой отсталости» на российскую почву механически переносятся внешне привлекательные и актуальные государственные формы, которые *всегда* «ломали естественный ход жизни русского государства и права, выступая тормозом самостоятельного развития России» [12, с. 132].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-процессуальная деятельность, как справедливо отмечает Л.В. Головкин, неразрывно связана с идеей государственного суверенитета, а «уголовно-процессуальная ткань является более тонкой: в ней речь часто идет о закономерностях не только и не столько объективно универсальных, сколько исторических, культурных, сравнительно-правовых, что и предопределяет наличие у каждого государства своей неповторимой уголовно-процессуальной системы» [11, с. 19]. Признание этого дает достаточные поводы и основания для организации работы по формированию именно нового уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, которое во всех своих положениях будет отвечать конституционным положениям о преемстве Российской Федерации Союзу ССР на своей территории и объединенной тысячелетней истории, сохраняющей память о предках, передавших нам идеалы и веру в Бога, преемственности в развитии Российского государ-

ства с признанием исторически сложившегося государственного единства.

Никакие уточнения и «заплаточные» изменения не смогут сформировать истинно новый российский уголовный процесс. Пример современного уголовно-процессуального закона, изменения в который стали вноситься еще до его вступления в действие, во взаимосвязи с последующими масштабными изменениями и дополнениями, исчисляемыми сотнями, меняющими порой тот или иной институт уголовно-процессуального права самым кардинальным образом (например, трансформация за время действия УПК РФ положений ст. 125 или 237), является ярким подтверждением этому тезису.

Возвращаясь к эпиграфу настоящей статьи, мы должны признать ошибку в отказе от постепенного осуществления права в новой постсоветской истории. Вопреки утверждениям С.С. Алексеева, время показало, что деформация права может происходить не толь-

ко в ситуации полного подчинения власти правовых институтов, в их обработке и введении «в государственную систему, чтобы они стали послушной игрушкой в руках властвующих государственных и политических учреждений, безропотно реализовывали (и – что не менее важно – юридически оправдывали или даже возвеличивали) неправомерные требования власти, а то творили прямой произвол» [3, с. 76], но и в обратной ситуации, когда через искусственное насаждение в большей степени нормативных правовых деклараций, направленных на необоснованное уменьшение роли и значения ценности общественного интереса и самого государства предпринята попытка сформировать такой механизм уголовно-процессуальных правоотношений, при котором правовая защищенность граждан гарантируется не самим государством, а «приобретается в состязательной битве с ним» [11, с. 319] с использованием совершенно непонятного «равного» оружия.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2025. – 1041 с.
2. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права / Т.Г. Понятовская. – Ижевск. Изд-во Удмуртского университета, 1996. – 232 с.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. Философия права и теория права / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 520 с.
4. Геращенко А.И. Политико-правовая идеология в современной России / А.И. Геращенко, И.Г. Геращенко // *Studia Humanitatis*. – 2017. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-politiko-pravovaya-ideologiya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.01.2026).
5. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Линия права. Отдельные проблемы концепции / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 549 с.
6. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности / В.Н. Кудрявцев // *Государство и право*. – 1994. – № 3. – С. 3–8.
7. Головки Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте / Л.В. Головки // *Проблемы постсоветской теории и философии права : сборник статей*. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – С. 92–126.
8. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России : монография / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 416 с.

## REFERENCES

1. Golovko L.V. (ed.). *Course of Criminal Procedure*. 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2025. 1041 p.
2. Ponyatovskaya T.G. *Conceptual Foundations of the System of Concepts and Institutions of Criminal and Criminal Procedure Law*. Udmurt University Publ., 1996. 232 p.
3. Alekseev S.S. *Collected Works*. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 7. 520 p.
4. Gerashchenko A.I., Gerashchenko I.G. *Political and Legal Ideology in Modern Russia*. *Studia Humanitatis*, 2017, no. 1. Available at: <https://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-politiko-pravovaya-ideologiya-v-sovremennoy-rossii>.
5. Alekseev S.S. *Collected Works*. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 5. 549 p.
6. Kudryavtsev V.N. *On the Understanding of Law and Legality*. *State and Law*, 1994, no. 3, pp. 3–8. (In Russian).
7. Golovko L.V. *Post-Soviet Theory of Law: Difficulties of Positioning in Historical and Comparative Context*. *Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law. Collection of Articles*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. pp. 92–126. (In Russian).
8. Zorkin V.D. *Civilization of Law and the Development of Russia*. 2nd ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2016. 416 p.
9. Alekseev S.S. *Collected Works*. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 4. 544 p.
10. Kant I. *Works in German and Russian*. Moscow, AO Izami Publ., Vol. 1. 1994. 584 p.

9. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. Линия права. Концепция: сочинения 1990-х – 2009 годов / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 544 с.
10. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи (1784– 1796) / И. Кант. – Москва : АО Izami, 1994. – 584 с.
11. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
12. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – Москва : Норма, 2019. – 672 с.
13. Пермяков Ю.Е. Лекции по философии права : учебное пособие / Ю.Е. Пермяков. – Самара : Изд-во Самарского университета, 1995. – 120 с.
14. Стойко Н.Г. Уголовный процесс России: история и перспективы развития / Н.Г. Стойко // Уголовное судопроизводство и практика / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрайт, 2011. – С. 110–127.
15. Гармаев Ю.П. Принцип состязательности и необходимость реформы дидактики в юридических вузах России / Ю.П. Гармаев // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1 (2). – С. 320–327.
16. Шейфер С.А. Смешанный или состязательный: каким законодатель хочет видеть российский уголовный процесс / С.А. Шейфер, А.А. Тарасов // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сборник научных статей. Вып. 2 / под ред. А.А. Напреенко. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 408–425.
17. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / С.А. Соловьев ; под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2021. – 296 с.
18. Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории: монография / И.А. Исаев. – Москва : Прогресс, 2024. – 224 с.
11. Golovko L.V. The State and Its Criminal Proceedings. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.
12. Sinyukov V.N. The Russian Legal System. Introduction to General Theory. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2019. 672 p.
13. Permyakov Yu.E. Lectures on the Philosophy of Law. Samara University Publ., 1995. 120 p.
14. Stoyko N.G. Criminal Procedure in Russia: History and Development Prospects. In Kolokolov N.A. (ed.). Criminal Procedure and Practice. Moscow, Yurait Publ., 2011, pp. 110–127. (In Russian).
15. Garmayev Yu.P. The Principle of Competitiveness and the Necessity of Didactics Reform in Legal Institutions of Higher Education in Russia. *The Criminalist's Library*, 2012, no. 1 (2), pp. 320–327. (In Russian).
16. Sheifer S.A., Tarasov A.A. Mixed or Adversarial: What the Legislator Wants to See in Russian Criminal Procedure. In Napreenko A.A. (ed.). State and Law: Issues of Methodology, Theory, and Practice of Functioning. Collection of Scientific Articles. Samara University Publ., 2006. Iss. 2, pp. 408–425. (In Russian).
17. Soloviev S.A.; Maslennikova L.N. (ed.). Favor Defensionis. Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
18. Isaev I.A. Imaginary Statehood. Space Without Territory. Moscow, Progress Publ., 2024. 224 p.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Сергей Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник кафедры публичного права юридического факультета; адвокат, управляющий партнер.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soloviev Sergey Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Researcher at the Department of Public Law of the Faculty of Law; lawyer, managing partner.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 06.02.2026. The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 06.02.2026.